

© 1991 г.

СТЕПАНОВ Ю. С.

НЕСКОЛЬКО ГИПОТЕЗ ОБ ИМЕНАХ БУКВ СЛАВЯНСКИХ АЛФАВИТОВ В СВЯЗИ С ИСТОРИЕЙ КУЛЬТУРЫ

1

Сначала сделаем несколько предварительных замечаний, относящихся к алфавиту вообще. Алфавит есть одновременно код и текст, издающий этот код. В первом качестве (как код) алфавит принадлежит парадигматике, во втором (как текст) — представляет собой некоторую синтагматику. Суть предлагаемого очерка состоит в том, что имена букв разъясняются вполне, только если их рассматривать одновременно на этих двух осях — парадигматики и синтагматики алфавита.

Каждая отдельная буква представляет собой некоторый пучок признаков (звуковое значение, числовое значение, начертание). Но вместе с тем каждая буква есть и элемент в системе алфавита, т. е. в системе координат парадигматики и синтагматики, — проще говоря, некоторое место в алфавите. Исторически отдельные буквы могут задолго предшествовать появлению данного алфавита, т. е. быть заимствованными в него из других систем письменности или иных знаковых систем. Но попадая в данный алфавит, такие буквы пластично моделируются в нем соответственно своему месту, их признаки по-новому устанавливаются в координатах данного алфавита. Можно сказать, что алфавит — это матрица, «форма для отливки», переливающая собственные признаки букв — в частности, имена букв — в новую систему. Одной из сторон этой системы является то, что она представляет собой текст. Алфавит — мощный и типологически очень древний текстообразующий фактор. В таких рамках мы будем рассматривать поставленный в заголовке вопрос.

2

В европейском культурном ареале издревле существуют три алфавитные традиции. Одна из них, условно обозначим ее *п е р в о й*, — *л а т и н с к а я*. Она восходит к греческой, но столь рано и столь полно эмансипируется, что ее следует считать именно самостоятельной традицией. Согласно латинскому обычаю (как он дошел до нас и сформировал наши собственные, т. е. современные русские, алфавитные представления), буквы, по их именам, делятся на три класса: гласные называются так, как они произносятся, — *А, И, О, У, Э* (я отвлекаюсь сейчас от несущественной в данной связи детали — о произношении и названии русск. *Е*); согласные называются сочетанием собственного звука и прибавления гласного (открытого *Э*, закрытого *А*) — *Бэ, Вэ, Гэ* и т. д., и *Ка, Ха, Ша, Ща*; сонанты называются сочетанием гласного *Э* и собственного звука — *ЭТ, ЭМ, ЭН, ЭР*, сюда же *ЭС, ЭФ*¹. Этот современный русский обы-

¹ Не будем сейчас останавливаться и на различии в огласовке на «э» и на «а» (*Гэ, но Ка*), также имеющих глубокую традицию (см. [1, 2])

чай почти полностью соответствует позднему — можно сказать, «окончательному» — этапу латинской алфавитной традиции. Последний отражен у латинских грамматиков после Доната (IV в. н. э.), т. е. с конца IV в., — у Сервия (IV в.), Присциана (VI в.) и др. В латинском обычае: гласные — *A, E, I, O, V*, согласные — *BE, CE, GE, HA, KA, PE, QV, TE*, сонанты — *EL, EM, EN, ER, ES, EX* (или *IX*). Очевидно, что эти обозначения являются не указаниями произношения или чтения знаков букв, а именно именами самих букв. Этому соответствует и грамматический род имени буквы: в императорском Риме, т. е. в поздний период, это женский род, в соответствии с родом слова *littera* «буква», между тем как в более ранний период, у Луцилия, Цицерона, Варрона, это средний род (как и греч. τὸ γράμμα «буква», τὸ ἄλφα «альфа»). Перемена рода — косвенный признак перелома в алфавитной традиции.

Перелом совершается в IV в. н. э. Донат принадлежит еще к старой традиции, а его последователи и комментаторы, даже в том же IV в., уже к новому этапу, который мы только что коротко охарактеризовали. В старой же римской традиции буквы не имели имен в строгом смысле слова «имя». Они осознавались как особые явления, как звуки — части слов. Такому пониманию как раз и отвечало обозначение буквы средним родом, и это понимание отразилось в классификации Доната (*Arts maior 4, 367, 11; 21, 368, 5*): «*Vocales sunt quae per se proferuntur et per se syllabam faciunt. semivocales sunt quae per se quidem proferuntur, sed per se syllabam non faciunt. mutae sunt quae nec per se proferuntur nec per se syllabam faciunt*» («Гласные — это те, что сами по себе выговариваются и сами по себе слог образуют; полугласные — те, что сами по себе выговариваются, но слога сами не образуют; согласные — те, что сами по себе и не выговариваются и слога не образуют»). Очевидно, что здесь термины «гласные», «полугласные» (или сонанты), «согласные» относятся не к именам букв и не к буквам (лат. *littera*), а к звукам — частям слов. Именем же их, точнее их обозначением, служит как бы само их явление, результат выделения из слова. Позднейшие грамматисты, например, Кледоний (*Cledonius 5, 27, 27*), прямо возражали против этого: «само по себе произносится» — ложно, ибо произносится звук от огласовки (*a vocalibus*), а кончается на туральным, т. е. собственным звуком. Очевидно, что Кледоний имеет в виду ряд *EF, EL* и т. д., — т. е. иное явление — букву (*littera*), причем буква и звук как бы соединялись воедино. Неразделение буквы и звука присуще также всей последующей школьной и отчасти научной традиции Европы вплоть до Нового времени. (Подробно о латинской традиции см. в работе В. Шульце 1904 г. [1]). В. Шульце также отметил, что осознание перелома традиции (некий «безымянный знак», звук слова, данный в графическом обозначении, получает имя с помощью огласовки) нашло отражение уже довольно рано, у Проба (втор. пол. I в.) [1, с. 447]; о предшествующей греческой традиции см. [2].

В силу того, что в латинской традиции имена букв, как мы видим, довольно нечетко отличались от звуков, обозначаемых этими буквами, смешение буквы и звука стало казаться чем-то естественным. Оно частично сохраняется даже у проницательных авторов грамматики «Пор-Рояля» (1-е изд. 1660, 2-е — 1664 г., ниже цитируем по репродукции 2-го изд. [3]). Авторы «Пор-Рояля» употребляют четыре термина, отношения между которыми у них не всегда четки: 1) *son* «звук»; 2) *lettre* букв. «буква», в соответствии с лат. *littera*, но у них иногда также и «звук»; 1-й гл. 1-й части так и называется: «*Des Lettres comme sons, et premierement des Voyelles*» («О Буквах как звуках и прежде всего о Гласных»); 3) *figure* «фигура, изоб

ражение, рисунок», т. е. графический знак, ср. (I гл. 1-й ч.): «Nous avons déjà dit que les sons on été pris par les hommes, pour être les signes des pensées, et qu'ils ont aussi inventé certaines figures pour être les signes de ces sons. Mais quoique ces figures ou caractères, selon leur première institution, ne signifient immédiatement que les sons, néanmoins les hommes portent souvent leurs pensées des caractères à la chose même signifiée par les sons: ce qui fait que les caractères peuvent être considérés en ces deux manières, ou comme signifiant simplement le son, ou comme nous aidant à concevoir ce que le son signifie» («Мы уже сказали, что звуки были приняты людьми, для того чтобы быть знаками мыслей, и что люди изобрели также не которые фигуры, чтобы последние были знаками этих звуков. Однако хотя эти фигуры, или х а р а к т е р ы (разрядка наша. — С. Ю.), согласно их первому установлению, непосредственно означают только звуки, люди, тем не менее, переносят свои мысли с характеров на самую вещь, означаемую звуками; отсюда происходит, что характеры могут рассматриваться соответственно этому двумя способами: или как означающие просто звук, или как помогающие нам помыслить о том, что означено звуком»), 4) таким образом, четвертый термин, синонимичный термину «фигура», — это caractère «характер, письменный знак». В таком значении термин «характер» занимает умы философов всего XVII в. Лейбниц с молодых лет пытается создать «...язык, или х а р а к т е р и с т и к у (разрядка наша. — С. Ю.), в которой одновременно содержалось бы искусство открытия и искусство суждения, т. е. знаки, или характеры, которой представляли бы собой то же, что арифметические знаки представляют в отношении чисел, а алгебраические — в отношении абстрактно взятых величин» [4].

Термин «буква», *lettre*, остается двусмысленным, и авторы «Пор-Рояля» называют V гл. 2-й части своей «Грамматики» так: «Des Lettres considérées comme Caractères» («О Буквах, рассматриваемых как Характеры»), что очевидно предполагает возможность рассмотрения букв еще и иначе, а именно — как звуков.

В т о р а я (в нашем перечне) т р а д и ц и я — к е л ь т с к а я отличается большим своеобразием, одновременно устойчивостью основной линии и несколькими резкими переломами. Древнеирландский огамический алфавит, истоки которого восходят, как предполагают (К. Марстрандер), к первым векам нашей эры, имеет много общего, если не в деталях, которые невозможно установить, то в типе, с алфавитом друидов Галлии, о котором упоминает Цезарь. Это была, вероятно, какая-то тайная система знаков, возможно, даже не письменных, а тактильных, напоминающая систему, которой пользуются в наши дни глухонемые. Позднее древнеирландский алфавит — уже иная система, огамическое письмо, и, наконец, алфавит латинского типа. Устойчивой сквозной линией проходит при этом семантика имен букв: буква называется *fid* букв. «дерево», а имя каждой отдельной буквы — это имя какого-либо дерева. Так, первые три согласных, *B, L, N*, называются соответственно «береза» — «рябина» — «ясень», *Beith — Luis — Nion*, и это словосочетание используется как название всего ирландского алфавита.

Другая устойчивая семантическая линия, связанная с порядком букв, — их календарное значение: каждая из 13 согласных означает один из 28-дневных месяцев, начиная с 24 декабря, а каждая из 5 гласных представляет квартал года; последний квартал, начинающийся злыми солнцестоянием, символизируется переходом от зоны буквы *A* к зоне буквы *I*, таким образом 5 букв означают 4 квартала: (A)BLN(O)FSH(U)DTC.

(E)MGNgR(I). Знаки гласных здесь мы взяли в скобки, чтобы подчеркнуть, что алфавит, в соответствии с древней огамической традицией, распадается на «семьи» согласных, а гласные распределены между началами «семей» в соответствии с календарным порядком. Этот порядок букв возник около 400 г. н. э. в связи с установлением христианства, в соответствии с новой календарной системой; порядок же древнего огамического алфавита следующий: *BLVSN HDTCQMGNgZRAOUEI*. Относительно времени, места и обстоятельств создания ирландского алфавита высказано много гипотез. Их сводку и выводы можно найти в работе А. А. Королева [5].

Для темы нашей статьи важно подчеркнуть следующее обстоятельство. Имя буквы соответствует названию какого-либо дерева, однако большинство таких названий деревьев в качестве обычных лексем не встречается в текстах и известно лишь из глоссариев. Кроме того, даже как названия деревьев эти слова или настолько архаичны, или настолько искажены, что — несмотря на явные ассоциации с деревьями — фактически выступают в качестве о с о б ы х л е к с е м — именно н а з в а н и й б у к в [5, с. 5—6]. С такой же особенностью мы столкнемся ниже в готском алфавите и, в несколько меньшей степени, в славянских алфавитах. По-видимому, здесь перед нами устойчивая типологическая черта древних еврейских алфавитов.

Ирландская алфавитная традиция вполне могла быть известна создателям славянской азбуки, поскольку в период деятельности Константина и Мефодия на той же территории, т. е. среди паннонских и моравских славян, действовала ирландская миссия, оппозиционная как римскому папе, так и константинопольскому патриарху (см. [6] и [7]).

Третья традиция — древнегреческая, и которой прочно примыкает славянская. К рассмотрению их мы переходим в следующем разделе.

3

Первое место в древних алфавитах нередко отводится символу, представляющему какую-то особую ценность, символу божества вообще или же бога — дарователя языка и/или письма. Если на это место попадает какой-либо знак, имеющий по происхождению иное значение, то он по-новому моделируется, т. е. переосмысливается, соответственно этому месту. Так обстоит дело в древнегреческой традиции.

Первая буква древнесемитского финикийского алфавита, заимствованного греками, по своему имени, *aleph*, ассоциируется со значением «череп быка». И греки осознали эту ассоциацию: *ἀλφα βούς κεφαλή*, *Φοίνικες* (Hesych. Coll. Bekker, AG, 381, 27); *Φοίνικας ὀστέω (ἀλφα) καλεῖν τὸν βόυν* (Plutarch. Qu. conv. 9, 2, 3) — «альфа — по-финикийски „голова быка“»; «альфа — по-финикийски „бык“».

Но в греческом алфавите христианской эры имя первой буквы переосмысливается и начинает связываться с евр. *alliph* - *אלפ* «учись». Соответствующие рассуждения мы находим у Евсевия Кесарийского (260—340 гг.) (Preparatio Evangelica, V, 5, 474 b; XI, 6, 519 c) и у Феодосия Александрийского (IV в.) (περὶ ἑρμηνείας, 1) [8]. А Епифаний (ум. 403 г.) на основе так истолкованного имени буквы альфа образует новый глагол *ἀλφῆω* или *ἀλφαῖω* «искать, доискиваться» [9]. Суидас Лексикограф (ок. 1000 г.) под словом *Ἀφραῖα* (по библейской традиции Авраам считался изобретателем букв) дает пространное толкование: «И свидетельство этого является звук альфы, первой буквы и главнейшего имени».

взятого из алефа Евреев для именовании счастливого и первого и бес смертного». Далее там же разъясняется, что это прекрасное имя (т. е. альфа) означает «знание», ибо алеф (Алеф) не всегда толкуется как «обычай череп», но часто как алиф «учись» [8].

Кроме первого места, в парадигматике алфавита могут быть и другие особо значимые точки. Если алфавит делится на «семь» знаков, как огамический кельтский и рунический, то такими являются начальные места «семей». Если алфавит основан на некоторой системе счисления, то особо значимые места совпадают с началом и, по-видимому, чаще, с концом базы счисления. Так, в славянских алфавитах, где, как показал Н. С. Трубецкой (см. ниже), базой является «9», особенные места — это 9-е, 18-е, 27-е, 36-е. С. Г. Проскурин, в связи со своими работами над германскими рунами, обратил наше внимание на то, что алфавит, как это имеет место в руническом, может выступать как модель «макрокосма», как «микросом», и что, в таком случае, сакральными точками алфавита являются начало, середина и конец, а находящиеся в них знаки получают особое сакральное истолкование. Исходя из этого, С. Г. Проскурин по новому объяснил происхождение латинского слова *elementum* «буковка как знак», «первоначало, элемент», «первичная материя, стихия» — как не просто сцепление имен трех букв *el + et + en-* (эта идея была известна, и ее принимали, в частности, такие специалисты, как А. Эрну и А. Мейе в своем «Этимологическом словаре латинского языка»), но как сцепление трех букв, занимающих абсолютно среднюю середину латинского алфавита. В самом деле, в латинском алфавите классической поры, состоящем из 25 знаков, *M* занимает абсолютно среднее, 13-е, место, а *L* и *N* располагаются по обе стороны от него. Если учесть к тому же, что алфавит — модель «макрокосма», то указанное обстоятельство объясняет особое значение этого латинского слова как «первичной материи, первоначального элемента мира» на собственном латинском основании, а не только в силу калькирования греческого *στοιχεῖον*. Этим объясняется, кроме того, и начальное *e-* в этом латинском слове, что представлялось Эрну и Мейе «странным», «не собственно латинским», «возможно, этрусским» — это просто имя буквы — «эль». Здесь перед нами также сакральная синтагма алфавита (см. ниже разделы 4, 5).

Совершенно в том же духе, что и в греческом алфавите, даются толкования первой буквы в русском азбуконике (словаре) старшей поры «Книга, глаголемая алфавить» (XVI в.) (текст приводим по изданию [10], для упрощения типографского набора здесь знаки ударений сняты, титла раскрыты, надстрочные литеры внесены в строку): «2. алеѡъ. тл. [толкуется. — С. Ю.] еврее первое азбучное словце наричют алеѡъ, еже есть азъ. толкует же ся алеѡъ по еврейски учение или наука. 3. аѡа. т. грецы первое азбучное словце наричют. аѡа, еже есть. азъ. толкует же ся по гречески аѡа ищи».

Н. И. Толстой, В. Кипарский и некоторые другие видные слависты разделяют существующую в славянской филологии гипотезу, согласно которой первая буква этой азбуки, имеющая подобие креста, и является прямо и непосредственно знаком креста, символом Бога. Наиболее детально эта гипотеза была выражена молодыми, безвременно скончавшимся финским славистом Ю. Чернохвостовым. По мнению Ю. Чернохвостова, не только первая, но все вообще буквы глаголицы, созданной Кириллом, являются сложениями из трех элементов, трех божественных символов — креста (знака креста), треугольника (символа божественной Троицы), круга (символа всемогущества, бесконечности и совершенства Бога) (см.

[11]). Ассоциации первой глаголической буквы с крестом, конечно, не сомненны. Но против гипотезы Ю. Чернохвостова как целого свидетельствует, по-видимому, то, что, как показал Т. В. Гамкрелидзе, древнегрузинский алфавит создан из комбинации перекрещивающихся прямых линий, элементов круга и треугольника (т. е. тех же самых, что и в реконструкции Ю. Чернохвостова), без всякой связи с религиозной символикой (см. [12, с. 160 и сл.]). К тому же и в полном списке начертаний глаголического «а», приведенной И. Вайсом [13], не обнаруживается таких уж явных сходств с христианским крестом (поперечная черта располагается слишком низко). И, наконец, почти ту же самую форму имеет знак для «а» в младших, скандинавских и англосаксонских, рунах (см. ниже).

В обеих славянских азбуках, кириллице и глаголице, рисунки всех букв, а также числовые значения некоторых букв различны. Между тем имена букв в обеих азбуках одни и те же. Это значит, что имена букв относятся к какому-то иному параметру букв, нежели их рисунок и их числовое значение. К какому же именно? Это и есть главный вопрос при реконструкции алфавита как некоего целого.

Нашим исходным положением является следующее: имена букв относятся к звуковому значению и к месту в алфавите, причем оба эти параметра выступают в тесной связи. (Уточнение этого, пока еще слишком общего, положения будет дано ниже, в пункте 9.)

Если греческий прототип кириллицы не вызывает сомнений, то в поисках прототипов глаголических букв исследователи, как известно, устремляли свое внимание на Восток, к коптскому, хазарскому, армянскому, грузинскому, семитскому алфавитам (П. Шафарик, М. А. Оболенский, М. Груньский, В. Вондрак, Н. С. Трубецкой и др.), причем поиски относились главным образом к звуковому значению и рисунку (см. [14]).

Мы же обратим свои взгляды на Запад, и предметом нашего поиска будет иное — звуковое значение, имя буквы и, самое главное, ее место в алфавите. В центре внимания оказывается готский алфавит.

Т. В. Гамкрелидзе в своей последней работе 1989 г. также выделил этот алфавит по его особой связи с древнегрузинским. Т. В. Гамкрелидзе показал, что оба последних алфавита сближает не только общий принцип сохранения парадигматики системы-прототипа (т. е. древнегреческой), но в одном случае и совпадение значений заменяемого греческого знака: греч. Ξξ (звуковое значение /ks/) заменен и в грузинском для значения /j/ и числового значения «60», и в готском для звукового значения /j/ и числового значения также «60». Весьма важны также совпадения имен букв, их три: 1) груз. *las*, звук. знач. /l/, числ. знач. «30», гот. *laaz*, звук. знач. и числ. знач. такие же; 2) груз. (*v*)*vin* и гот. *uinne*; 3) груз. *tan*, звук. знач. /m/, числ. знач. «40», гот. *tanna*, звук. знач. и числ. знач. такие же [12, с. 299]. (Напомним, что и древнегрузинский, и готский алфавит — последний трудами епископа Ульфилы (Вульфилы) — равно создаются в IV в. и равно связаны с принятием христианства.)

При сравнении славянских алфавитов с готским также обнаруживается примечательный, но до сих пор не замеченный факт: первая буква готского алфавита называется *aza*, в то время как первая буква в обеих славянских азбуках называется *азъ*. Сразу сформулируем и ашупервую гипотезу: указанное совпадение не случайно; имя первой буквы обеих славянских азбук восходит к некоторому имени первой (главной) буквы, которое как особое слово бытовало в центральноевропейском ареале до создания славянских алфавитов и, лишь перейдя в последние, стало ассоциироваться со славянским словом, означающим «я».

Рассмотрим положение первой буквы в готском алфавите. Названия и расположение букв этого алфавита известны из так называемой Зальцбургско-Венской рукописи Алкуина (Salzburg-Wiener Alcuin Handschrift), датируемой IX—X вв. В рукописи приведен готский алфавит в двух на чертаниях — более старом и более новом и отдельным списком в конце даны названия букв. По мнению исследователей, названия эти в рукописи сильно искажены и, кроме того, в своей языковой форме, как и в самом выборе названий, отражают влияние соответствующих англосаксонских и древневерхненемецких названий. Все это сильно затрудняет их истолкование [15, § 13]. Самым же примечательным фактом оказывается здесь то, что эти названия являются именами германских рун, соотносенными по звуковому значению с готскими буквами и тем самым ставшими названиями также и этих последних. В самом готском языке эти названия выступают как особые слова, собственные имена рун и букв. И эти слова лишь более или менее, приблизительно ассоциируются с реальными, полными значимыми словами готского языка (о чем, в частности, свидетельствуют и их искажения в рукописи Алкуина). Таким образом, в готском алфавите имя буквы предшествует каким-либо ассоциациям со словами готского языка, а не является производным от них.

Парадигматические отношения в готском алфавите. Тем не менее в силу того, что готский язык относится к германским языкам и, следовательно, находится в близком родстве с другими германскими языками, и, главным образом, в силу того, что имена рун, до того как они стали названиями готских букв, уже имели семантические коннотации, все имена готских букв создавали в алфавите особый семантический фон. (Мы увидим далее, что сходный семантический фон присущствует и в славянских алфавитах.) Этот семантический фон, предшествующий всякому сцеплению букв в порядке готского алфавита, мы будем называть парадигматикой этого алфавита. (Конечно, термин «парадигматика» употребляется здесь в несколько суженном значении.) Наиболее определенно выявляются следующие семантические сферы (имена готских букв по рукописи Алкуина подчеркнуты; этимологии приводятся главным образом по данным словаря У. Лемана [16], индексы, например, Т. 45 и т. п., отсылают к соответствующим местам этого словаря):

1) названия скота, имущества: /f/ *fe* **faihu* «скот, движимое имущество», др.-англ. *fe*, *fech*, *feoh*; /o/ *otal*, **otal* «наследственное имущество», др.-англ. *ōtal*, *ēfel* «homestead, fatherlands»; др.-исл. *ōdal* «*pratrímony*, family homestead» (У. 63); /u/ *urax* **ūrus* «бык тур», др.-англ. *ūrr*, *ūr*, др.-исл. *ūr*;

2) имена стихий (по-видимому, особенно стихий, враждебных человеку; ср. «злые» и «добрые» руны): /h/ *haal* **hagl* «град», в рунах означает «разруха»; возможно, что это имя одного из злых природных демонов (Н. 1); /i/ *iiz* **eis* «лед», «холод» (ср. русск. *иней*); это имя одной из «зловещих рун», ср. *isig* в Беовульфе, ассоциирующееся со смертью (I.13), и др.;

3) имена деревьев: особо следует выделить /b/ *berena* **bairkan* «береза»; это слово выступало или как имя женского божества, символ девственности. Или, по нашему мнению, скорее всего как название «дерева с блестящей корою» (ср. также у Лемана: В. 42), дававшего материал для письма (ср. русские берестяные грамоты); /q/ *quertra* **quairtra*

явлением древних индоевропейских сакральных текстов: два понятия высшего яруса (в данном случае «люди» и «скот») в сочетании служат обозначением понятия высшего яруса, не имеющего собственной формы выражения (в данном случае «имущество [движимое]»). К. Уоткинс обнаружил целое осикское заклинание, *talum satmen*, построенное целиком из таких парных сочетаний [19]. В данном конкретном сочетании «люди — скот» за его приведенной нами формой прослеживается еще более отдаленное в глубине предьстории объединение «людей» и «домашних животных», обозначаемых именно названными корнями, в один класс «ведических существ»: **nir-* «люди» и **p^hlek^(A)u-* «домашние животные» [20, с. 469].

Возникает вопрос: какое отношение, не чисто ли случайное, имеет эта устойчивая индоевропейская формула к сочетанию имен букв в готском алфавите? Конечно, последовательность названных готских букв не является прямым воспроизведением древней формулы. Но, по-видимому, не является и простой случайностью. Дело в том, что, как мы отчасти показали выше, обозначения рун и готских букв черпаются из довольно ограниченного и определенного круга семантических представлений, и связь человека со скотом как проявление «блага», «богатства», «благосостояния» проходит повсюду. Она присутствует уже в руническом алфавите, в так называемом, по звуковым значениям первых шести рун, «*futhark*». Так, в англосаксонском варианте: *feoh* «скот, деньги», *ūr* «дикий бык, тур», *ƿorn* «шип, колючка» (темное место для толкования), *ōs* «бог речей» (ср. др.-исл. *áss*, связанное с Одином), *rād* «верховая езда» (?) (ср. толкования выше в связи с гот. *reda*, **raida*), *cēn* «факел».

Для нашей цели особенно интересна синтагма, образуемая в готском алфавите именами трех первых букв:

(1) *Aza berca geiua* «Аза — берзовая ветвь, береза — дар»;

(1a) *Aza *bairkan *giba* «Аза берзовую ветвь (березу) даровал».

Имя первой буквы готского алфавита, *aza*, и соответствующей руны во всех германских рунических алфавитах однозначно связывается со смыслом «бог». Согласно современным исследованиям (ср. [16, под индексом А. 243]), германские слова этой группы родственны др.-инд. *ásuras* «бог», авест. *Ahura Mazda* «великий бог» и т. д. [Родственное понятие, трансформировавшееся в сторону зла, находим в позднем, неортодоксальном зороастризме — в зурванизме (расцветшем в сасанидский период 226—625 гг.), где большую роль стало играть воплощение алчности — женское божество, демон Аз, которое потом было воспринято манихейством.] Но ближайшим образом эти германские слова ассоциируются с обозначениями полубогов-полулюдей асов и старшего над асами — бога Одина. Само слово *aza* — не что иное, как представленное в опосредованном и, возможно, искаженном виде одно из имен самого Одина. Обратимся теперь к образу этого бога.

Вот как характеризует его Ж. Дюмезиль: «В Скандинавии... Один, царь Асов, изобретатель рун, дарователь неожиданных побед, хозяин избранных мертвых, судя по имени, всего лишь „бог, обладающий *ōdr*“ (слово, обозначающее неистовое возбуждение)» [21]. Имя бога выделяет, как и во многих подобных случаях, лишь одну черту, один признак, послуживший основой именования, тогда как в понятии, сопутствующем этому имени, или в его сигнификате, названный признак — лишь один из целого «пучка». Р. П. Вюлькер в комментарии к своему изданию англосаксонской «*Runenlied*» присоединяется к ранее выдвинутому толкованию: руна *os* (*ōs*) означает «изобретателя всякого письма» [22].

Вторая буква символизирует материал письма, в данном случае березу, ср. береста. кора березы как материал берестяных грамот древнего Новгорода. Третья буква выражает некоторый предикат — передача или дарования людям.

Итак, согласно нашей гипотезе, готское имя первой буквы алфавита означает «изобретателя, или дарователя, письма», и в этом наименовании прослеживается более ранний слой — имя бога Одина. Имена трех первых букв готского алфавита образуют синтагму, означающую: «Изобретатель, или дарователь, письма, Аза, даровал [людям] березу [материал письма]»

5

Имя *Aza* в самом готском языке имело, по-видимому, варианты. В пришедшей форме это — основа на *-a*. Кроме того, ввиду наличия слова *anses*, *ansis* (вин. падеж мн. ч.) должна была существовать также основа на *-i*. Наконец, в некоторых германских диалектах засвидетельствована еще и основа на *-u*: рунит. *a(n)su-gisalas* «божий заложник».

Если, как мы предположили, это имя было заимствовано славянами для обозначения «главной буквы алфавита», то оно должно было иметь в древнеболгарском варианты *Aza* / *Азь*, *Азь*, соответствующие трем указанным готским основам. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в наиболее древних списках «Сказания о письменах» Черноризца Храбра первая буква называется *Азь* (с ерем), а в более поздних — *Азь* (с ером) (хотя этот вариант имеется и в некоторых древних списках, см. в издании К. М. Куева, где приведено 73 списка [23]). (Но, конечно, названные вариации с *-ь*, *-ъ* могут отражать просто соответствующие вариации местоимения 1-го л. «я», с которым предполагаемое имя вступило позднее в фонетические и семантические ассоциации.)

Перейдем теперь к рассмотрению парадигматических и синтагматических связей имен букв в славянских азбуках. Подобно тому, как это имело место в готском алфавите (см. выше), имена букв в славянских алфавитах, если и не предшествовали их звуковому значению, то, во всяком случае, были, довольно независимо от последних, самостоятельными словами. Следует подчеркнуть значение чрезвычайно важного наблюдения Н. С. Трубецкого в его очерке о семантике славянских алфавитов: «Древнецерковнославянские алфавитные стихи представляют собой акrostихи не на звуковые значения букв, а на имена букв глаголического алфавита» (разрядка наша. — С. Ю.) [24, с. 19].

То, что имена букв — самостоятельные слова, лишь позднее вступающие в семантические ассоциации со словами живого языка, косвенно подтверждается новой русской азбукой, где название первой буквы, *А*, не имеет никакого отношения к местоимению «я», совпадающему как раз не с первой, а с последней буквой. В новгородских берестяных грамотах находим в качестве местоимения 1-го л. ед. ч. формы *язъ*, *азо*, *асо*, *ас*, *аза*, *азо*, также не связанные с именем буквы *Азь*. Из последних форм новгородских грамот следует обратить внимание на *аза*, очевидно интересную в связи с нашей темой, а также на *асо*, *ас* [25], о которой будет речь ниже.

Синтагматические отношения в славянских алфавитах. Имена трех первых букв образуют, как это давно замечено, синтагму, которая, однако, в соответствии с нашей гипотезой должна толковаться — первоначально — иначе, а именно:

(2) *Азъ* буквы *ѣди*:

(2а) *Азъ* буквы *ѣдѣ* «Некий» *Азъ* буквы *позналъ* — подобно готскому. Форма *ѣдѣ*, предполагаемая нами как более ранняя на месте *ѣди* (об этой замене будет сказано ниже), может быть не только 3-м л. аориста, ср. балт.-слав. **vedē* «он вел», но и 1-м л. ед. ч. наст. времени, вариантом к *ѣмь*. Поэтому синтагма (2а) легко преобразуется в:

(3) *Азъ* буквы *ѣдѣ* «Я буквы *знаю*» (это обычное толкование).

Но вернемся к синтагмам (2) и (2а), по нашему предположению, более древним, и рассмотрим их составляющие в свете парадигматических связей.

Парадигматические отношения в славянских алфавитах. Имя второй буквы, буквы, очевидно, восходит к имени дерева «бук» и является, несомненно, заимствованием из германских языков (см. [26]). Бук издавна служил в Европе материалом для рисования, письма, вообще — всяческих графических изображений. «Древнейшими материалами для рисования (в узком, чисто графическом смысле). — отмечает исследователь этого вопроса Б. Р. Виппер, — начиная с раннего средневековья и вплоть до XV века (в Германии даже до XVI века). были деревянные дощечки... Их первостепенными являются древнеримские воощеные таблички, которые позднее стали употребляться в монастырях, где на них обучали писать и считать. Обычно их делали из букowego дерева, квадратной формы, величиной с ладонь, грунтовали костяным порошком, иногда обтягивали пергаментом. Рисовали на них металлическим грифелем или штифтом. Часто дощечки соединяли в альбомы, связывая их ремешками или бечевками...» [27]. (Добавим, что грифель или штифт в этой технике письма — это обычно свинцовая палочка, что буквально отражено в нем. *Bleistift* «карандаш».)

Имя третьей буквы также имеет глубокие ассоциативные связи. Согласно современным исследованиям, реконструируется и.-е. слово **uādʰl-*, обозначавшее «состояние возбуждения, экстаза, вдохновения, связанное с процессом поэтического творчества» [20, с. 835—836]. К семье слов, производных от этого корня, относятся: др.-инд. *api-vat-* «вдохновитель», лат. *uātes* «прорицатель, пророк, вдохновенный песнопевец, поэт», гот. *uōds* «одержимый», др.-исл. *odr* «одержимый» и «поэзия», др.-англ. *uōd* «одержимый», др.-в.-нем. *Wuot* (нем. *Wut*) тж., др.-исл. *Odinn* «бог Один», др.-англ. *Wōden*, и др.-в.-нем. *Wuotan* «Вотан» (древнегерманский бог поэтического вдохновения) и др. Сюда же относятся ст.-слав. *vēti(ji)*, др.-русск. *ѣтѣи* «вѣтия, оратор», *ѣче*, *ѣтъ* «совет» и глагол *ѣтѣти*, *ѣчу* «знать, узнавать». Глагол *ѣтѣти* по форме и по смыслу близко подходит к *ѣдѣти*. Не могла ли рассматриваемая нами синтагма иметь еще и такой вариант:

(4) *Азъ* буквы *ѣти* «*Азъ* буквы произнес (познал)»?

В таком случае имя третьей славянской буквы, *ѣди*, может быть контaminaцией двух слов — двух форм 3-го л. ед. ч. аориста: *ѣти* и *ѣдѣ*, что объясняло бы конечное *-и* в имени буквы *ѣди*.

Что касается имени *Азъ* // *Азь*, то в его еревой форме, с *-ь*, оно, может быть, сохранилось в выражении:

(5) *Ась до Киева доведет*,

по значению тождественному следующему:

(6) *Язык до Киева доведет*, где *Ась* - язык.

Правда, *ась* в составе этой поговорки может восходить и к сочетанию частиц *a* + *сь* «Что, что?» (при переспросе, недослышании). Именно так трактует это В. И. Даль [28]. Но толкование В. И. Даля не кажется

убедительным. потому что странно представлять себе частицу, служащую для переспроса, в составе упомянутой поговорки. Еще определеннее, и вернее, чем у самого Даля, и, следовательно, еще менее подходящим образом для далевого понимания поговорки формулируется значение частицы *ась* в «Словаре Академии Российской» 1806 г. [29]: «*Ась* — нескл. употребляемое в просторечьи и значащее отклик того, кого зовут или кого кличут». Кажется более естественным трактовать в составе этой поговорки *ась* как обозначение некоего существа, которое, подобно языку, помогает человеку путем распросов находить дорогу к цели. Такова еще одна, производная гипотеза.

Не указывает ли это совпадение значений *ась* = язык на существование в восточнославянском мире в прошлом некоего малого божества речи, языка? Что такое вообще индоевропейские «малые боги»? По меткому определению А. Мейе, «это природное или социальное явление, которому придают особое значение. Божество — это не лицо, имеющее собственное имя, это само явление (*le fait lui-même*), его сущность, его внутренняя сила» [30]. А. А. Потебня хорошо показал это в деталях в своем этюде «О Доле и сходных с нею существах» [31].

6

Известный параллелизм к положенному представлению о развитии имени первой буквы можно найти в ее графике, а также в графике некоторых других, типологически сходных явлений.

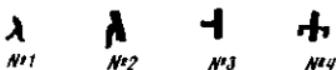

Рис 1

В рукописи Алкуина графический знак, соответствующий имени *aza*, дается в двух формах (первая соответствует более старому начертанию готского алфавита, вторая — более новому; см. рис. 1, (знаки № 1 и № 2). В современных работах о готском языке этот знак обычно считается происходящим от греческого «альфа», что, действительно, кажется очевидным. Однако в одной из первых публикаций, связанных с этой темой, — в работе М. Арнкиля 1691 г. [32] (воспроизведено у И. В. Ягича [33]) находим на этом месте иной знак (рис. 1, знак № 3). Этот знак, с одной стороны, выглядит как очевидный вариант вышеприведенной графемы Алкуина, а с другой, определенно напоминает половину графемы для *азъ* в глаголице (рис. 1, знак № 4). Что касается последнего, то, согласно мнению, распространенному в среде исследователей-славистов, как уже было сказано выше, этот глаголический знак представляет собой символ Бога.

Имеется и более существенная, хотя уже чисто типологическая параллель. Мы имеем в виду обнаруженное в балканском ареале последовательное превращение рунического знака (речь идет о тюркских рунах) — знака бога Тенгри в христианский знак креста. Это явление подробно исследовано М. Московым, на публикацию которого мы далее опираемся [34].

Как показал болгарский исследователь, руническая запись имени Тенгри, состоящая из четырех знаков, полиграмма, постепенно превра

щается путем сокращения в монограмму, которая становится в конечном счете идеограммой. Этот конечный знак имеет следующий вид: {Υ}.

Приведенный знак в контексте древнеболгарской культуры бытует как символ верховного божества, магический знак, талисман. По мере утверждения христианства он превращается в знак креста — этот процесс последовательно восстанавливается по археологическим данным и изображениям на амулетах. Причем конечный знак — крест или двоякий крест может быть по своему сложению истолкован двойко (ср. явление множественности этимологий у словесных знаков, слов) — или как прибавление развилки на каждом из четырех концов креста, или как сложение в центральной точке четырех знаков Тенгри, «четыре игрека» [34, с. 18] (см. рис. 2).

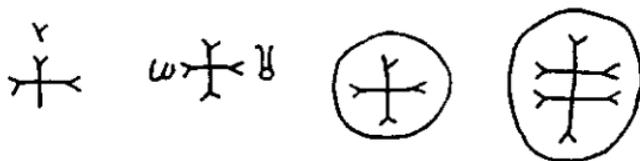

Рис. 2

Какому понятийному процессу соответствует этот графический переход? Тенгри — общетюркский верховный бог, создатель всей вселенной — земли, неба, космоса, всего видимого и невидимого света, повелитель планет, распоряжающийся судьбами человека, народа и государства («Имеется ли связь между двумя религиями (преболгарской и христианской) при переходе от одной к другой?», — задает вопрос М. Москов [34 с. 18]). И отвечает на него утвердительно.

Продолжим теперь эту параллель, так сказать, в разные стороны. При углублении в предысторию можно констатировать определенное сходство между крестообразным знаком Тенгри (четыре «игрека», соединенные нижними концами в центральной точке) и солнечным знаком солнца Пейве в саянской мифологии (ср. [35]).

При движении в другие европейские ареалы в период двоеверия и перехода от язычества к христианству мы обнаруживаем яркую параллель в контексте мифологии «мирового дерева» в англосаксонской культуре. Исследуя в этом контексте протогерманскую лексему **midja-gardaz* «середина мира» или «средний мир», С. Г. Проскурин приходит к следующему выводу: «Учитывая партитивную природу композита **midja-gardaz*, мы реконструируем его изначально не как „срединное огороженное место“ а как „середина (центр) огороженного пространства“. Обнаруживается, что в основе наименования древнегерманского мира прежде всего лежала идея сакральной значимости центра, обычно получающего символическое воплощение в виде „мирового дерева“, „столпа“, „горы“» [36, с. 16]. Далее С. Г. Проскурин показывает ассоциации языческого «мирового дерева» с христианским крестом и синонимизацию понятий-символов «дерево» и «крест» в англосаксонских текстах (например, в «*Deatn of the Rood*»), а также ассоциации начала мира с ростом дерева и конца мира с крушением дерева [36, с. 17].

Если теперь снова обратиться к образу Тенгри, то можно увидеть определенный параллелизм и по этой, более частной, линии. Знак Тен-

ри, с одной стороны, символизирует центр мира (ср. у М. Москова [34, с. 18]), а с другой, сам Тенгри иногда символизируется деревом (не является ли символом-схемой дерева и его идеограмма в виде «игрека» — палочки с развилкой-разветвлением наверху?). У хазар Тенгри-хан почитался в образе высоких деревьев [37].

Итак, подтвердится или нет наша гипотеза об имени азъ при дальнейших разысканиях, уже сейчас ясно, что имена букв в европейских алфавитах и, хотя и не столь определенно, их образы (знаки) черпаются из довольно ограниченного круга представлений, составляющих традиционные ценности культуры.

7

Со сказанным выше связана наша следующая гипотеза или, лучше сказать, пучок взаимосвязанных гипотез, относящихся к славянским азбукам как некоторым цельным текстам. И здесь также интересно обратить внимание на семантические сферы представлений, из которых берутся имена букв в алфавитах и ассоциирующиеся с ними слова в азбучных стихотворениях. Для этой цели мы используем два произведения (их исследовал также Н. С. Трубецкой, сравнение с выводами которого для нас будет существенно) — Азбучную молитву Константина Пресвитера болгарского, написанную в конце IX в., и Азбучную молитву, или Азбуковник, XII в. Приведем оба текста, первый — в реконструкции К. М. Куева 1974 г. [38] (напомним, что Н. С. Трубецкой пользовался другими изданиями), второй — по изданию А. И. Соболевского 1910 г. [39] (им пользовался и Н. С. Трубецкой).

1. Азбучная молитва Константина ²

- 1 Азъ словомъ симъ // молю са богу:
- 2 Боже, всеси твари / и аждителю
- 3 Видимымъ / и невидимымъ,
- 4 Господа доуха / послѣ живѣщаго
- 5 Да въздъхнеть / въ срьдце ми слово,
- 6 Еже бждеть / на оуспѣхъ всѣмъ,
- 7 Живѣщимъ / въззповѣдхъ ти.
- 8 Сѣло бо ксть / свѣтильникъ жизни.
- 9 Законъ твой, / свѣтъ стьзамъ того,
- 10 Иже ищеть / ѿвангельска слова
- 11 И просить са / дары твоѣ прияти.
- 12 И летить ныѣ // словѣньско плема,
- 13 Къ крыению / обрати са вси,
- 14 Людѣ твой / нареци са хотаще,
- 15 Милости твоѣ, / боже, просать сѣло,
- 16 Нъ мнѣ ныѣ / пространо слово даждь,
- 17 Отъче, сыноу / и прѣсватыи доуше,
- 18 Проси оуемоу / помощи отъ тебе.
- 19 Радѣ бо свои / выпри въздѣхъ присно,
- 20 Силѣ прияти / и мждрость оу тебе.
- 21 Ты бо дакши / достоиномъ силѣ,
- 22 Упостась же / всѣмъкъ цѣлини,

² В этом издании К. М. Куева косые черты означают цезуры в стихе: / — цезура после 5-го слога, // — после 7-го, /// — после 6-го

- 23 Фараоша ма / зълобы избави.
 24 Херовьска ми / мысль и оумъ даждь.
 25 Сѣ, чьстнаю, / прѣсватаю троице,
 26 Печаль мож / на радость прѣложи,
 27 Цѣломудрию / да начыишъ псати
 28 Чюдеса твою / прѣдвѣнаю зѣло,
 29 Шестькрылатыхъ /// силѣ възпринимъ.
 30 Шьствоушъ нынѣ / по слѣдоу оучителю.
 31 Имени юю / и дѣлоу послѣдоуъ,
 32 Ивѣ сътвори / квангельско слово,
 33 Хвалѣ въздаѣ / троици въ божьствѣ,
 34 Юже покѣт / въсѣкми въздрать
 35 Юнъ и старъ / своимъ разоумомъ.
 36 Юзыкъ новъ / хвалѣ въздаѣ присно
 37 Отыпоу, сыноу / и сватоуемоу доухоу,
 38 Юмоуже чьсть / и дрѣжава и слава
 39 Отъ всьехъ твари / и дыханию
 40 Въ вса вѣкми / и на вѣкки аминь.

II. Азбучная молитва (Азбучовник) XII в. ³

- 1 Азъ тебе припадаю, милостиве,
 грѣхы многими одержимъ.
 2 Буря мя грѣховная потопляеть,
 но въ твою тишину настави мя.
 3 Въ нощи и въ дне мя съхрани,
 на всякъ часъ възспѣвати тебѣ.
 4 Грѣховныя ми волны утоли,
 и ниже грузимъ воию ти.
 5 Десницю ми простри, милостиве,
 якоже Петру волнами грузиму.
 6 Югда хоцеша явити тайная,
 не обличи мене прѣдъ ангелы.
 7 Житиѣ бо своѣ въ мраце иждихъ,
 но твоими мя иждротами просвѣти.
 8 Зѣло бо кси, Христе, милостивъ,
 долготерпѣливъ и прѣмилостивъ.
 9 Заблуждшаго прими мя, Христе,
 якоже прятъ бруднаго сына.
 10 Избави мя изъ глубины грѣховныя,
 якоже Иону отъ кита, Христе.
 11 Ижекиныи ми слезы даруй,
 и ниже очищу скверныи ми грѣхы.
 12 Геоны и мя избави вѣчныя
 в грозы и черви неусыпающа.
 13 Ковникъ дьяволь блазнить мя,
 цѣ въ твоѣ стадо причти мя, Христе.
 14 Ловца диявола избави мя,
 молитвами, Христе, рожшая тя.
 15 Мытарю уподобяся, воию ти:
 очисти мя, Христе, яко и оного.

³ По списку Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле, изд. А. И. Соболев
 «Скии Премечание издателя: титла раскрыты, оу передается через у; д и ю — через
 4 (39, с 3)

- 16 Нощю мя на пѣниѣ укрѣши,
тяготу сонную отгнавъ мя.
- 17 Очи мои просвѣти, милостиве,
сърдце чисто съзижди во мнѣ.
- 18 Простери мя десницю, милостиве,
уязвену суцю разбойники.
- 19 Руцѣ мои въздѣю к тебе, Христе,
грѣховными стрѣлами уязвенъ.
- 20 Свѣдѣи немощи моя, Христе,
исцѣли мя, Владыко, недостойнаго.
- 21 Трепетомъ объдержимъ вопию ти,
помышляя, Христе, страшнии часъ.
- 22 Упопастъ бо си осквернихъ злѣ,
но покаянню слезы ми подаиждь.
- 23 Фарисѣе вы мя гордыня избави,
мѣлдонмѣче ми дая рыданіе.
- 24 Хѣровимьскую пѣснь възспѣвати
тебе, тресвятѣи Боже, съподоби.
- 25 О пресвятая Троице, помилуй
недостойнаго твоего раба.
- 26 Пѣсньми ти пою, припадаю,
просвѣти мя душу и умъ, Спасе.
- 27 Царю небеси и земли, Христе,
отверзи ми двери вѣчныя жизни.
- 28 Чиномъ мя причти, милостиве,
избранныхъ твоихъ овцаю.
- 29 Шествия мя направи на путь твой
отъ устъ золь укланяя мя.
- 30 Иного бо не свѣмъ, развѣ тебе,
милостива суца и прѣмилостива.
- 31 Яко сынъ родомъ милостивъ Богъ,
Отець и Сынъ и Святѣи Духъ.
- 32 Хвалами тя прославляю, прѣвятая
живодавице чѣстная Троице,
- 33 Юже поють шестокрилнии,
начальниа власти же и силы.
- 34 Юже коньчевая молебную пѣснь,
въпню к тебѣ, святая Троице;
- 35 Языкомъ и умомъ тя славию.
въ три лица суще божество юдино.
- 36 Тебѣ бо лѣпо юсть чѣсть и поклоняици
въ вся вѣкы вѣкомъ. Аминъ.

Напомним еще алфавитный порядок глаголицы в том его виде, как он частично реконструирован Н. С. Трубецким для наиболее древнего периода. (В основной части алфавита его порядок, как известно, однозначно свидетельствуется памятниками и в реконструкции не нуждается, к выводам Н. С. Трубецкого мы вернемся ниже.) (см. таблицу.)

Проведем теперь семантическое сопоставление, сравнивая 1) имена букв глаголицы, — а они, будучи словами, имеют семантику, 2) слова, образующие акrostих в Молитве Константина, 3) такие же слова в Азбуковнике XII в.

Молитва Константина прямо использует имена букв как слова в стихах 1, 7, 8, 14, 22, 24, — и это достаточно большая пропорция. В других

Порядок глаголам (с частичной реконструкцией Н.С.Трубецкого)

1	1	†	a	азь	19	100	b	z	рыи
2	2	Щ	b	буи	20	200	Ж	v	слово
3	3	У	v	вЪди	21	300	Ш	t	тврало
4	4	Ж	e	глаголи	22	400	Б	ü ₂	иккиа
5	5	Ю	d	добро	23	500	Ф	r	фръть
6	6	Э	e	късть	24	600	Ц	z ₂	хЪръ (?)
7	7	Х	i	живѣте	25	700	О	o ₂	отъ
8	8	Ф	s	сЪло	26	800	У	у	
9	9	А	e	земли	27	900	У	c	ш
10	10	ТЖ	i ₁	иже	28	1000	Ф	z	чръвь
11	20	В	i ₂	ижи	29	2000	Ш	z	ша
12	30	К	h	(г'ервь)	30	3000	Ж	z	крь
13	40	Ъ	k	како	31	4000	Ж	z	крь
14	50	А	l	люди	32	5000	А	z	гътъ
15	60	Ж	m	мыслите	33	6000	б	x ₁	хЪръ (?)
16	70	Р	n	нашь	34	7000	Ф	z	
17	80	Ю	o ₁	онъ	35	8000	Р	u ₁	
18	90	Р	p	поком	36	9000	С	z	

стихах автор выбирает как бы в широком смысле синоними к именам букв, — слова, обозначающие ценности той же сферы, что и соответствующее имя буквы: 3 «вѣди» — «видимые», 5 «добро» — «да вдохнет слово», 6 «естъ» — «еже будет», 9 «земля» — «закон», 15 «мыслите» — «мыслы твои (т. е. божьи)», 17 «он» (что в сакральном пространстве молитвы легко ассоциируется с Богом) — «отец» (Бог), 18 «покои» — «помощи просящий», 20 «слово» — «сила» (божья), 21 «твердо» — «ты» (т. е. опять таки Бог, основатель тверди и держатель порядка). Таким образом, здесь действует тот же принцип соотношения имени и смысла, который пронизывает готский алфавит Ульфила (см. выше).

В русских азбуконниках-словарях (древнейший из них, как уже было сказано выше, относится к XVI в.) применяется алфавитный принцип расположения статей, — но лишь по алфавиту первой буквы, изредка также последующей гласной. Между тем в печатных словарях Юго-Западной Руси того же периода учитывалось алфавитное место всех букв слова. Упорное предпочтение старого, рукописного порядка у современных исследователей вызывает недоумение и, в сущности, остается не до конца объясненным. Издатель Азбуконника XVI в. Л. С. Ковтун считает, что соблюдение алфавитного порядка лишь по первой букве позволяло переписчикам свободно вносить новые слова, не меняя всего текста [10, с. 38]. И это, конечно, верно. Однако, на наш взгляд, здесь действовал и какой-то еще иной, а именно семантический, принцип. Текст изданного Л. С. Ковтуна Азбуконника показывает, что — за исключением конечных букв алфавита (Ω, Ц, Ч, Ш, Щ, Ъ, Ы, Ь, Ю, Я, — причем Ъ, Ы, Ь составляют один, весьма краткий раздел) — под всеми буквами на втором месте раздела, т. е. после собственного имени буквы, идет имя Божье, или имя одного из его символов (иногда предмета церковного культа). Так, «А» — «4. аданна. тл. господь»; «В» — «234. благословлю, добро словлю»; «В» — «288. воанерьгест, сонмъ громовъ»; «Г» — «412. господь савао, господь сила»; «Д» — «505. дѣвсѣ. Богъ въ челоуцехъ»; «Е» — «599. елов. Божє» и т. д.

Напротив, рассматриваемый нами Азбуконник XII в. в отступление от этого семантического принципа и уже прямо по контрасту с Молитвой Константина использует антиподные ассоциации — с миром греха и сатаны: 2 — «буря греховная» против «Боже» у Константина, 4 — «греховные волны» против «Господь», 9 — «заблудный» против «закон», 13 — «ковник (т. е. ковы кующий) дьявол» против «крещение», 20 — «знающий немощи мои» против «сила», 21 — «трепетом одержим» против «твердо, ты (бог)». Эта антонимичность и антиподность смыслов так сильна, что моментами у нас, современных читателей, возникает сомнение — уже не пародия ли перед нами? Во всяком случае несомненно, что это текст другой природы: изменилось восприятие алфавита как текста — он перестал быть сакральным. Азбучная молитва — по-прежнему священный текст, но сам алфавит — нет. И, скорее всего, сам алфавит уже вообще не воспринимается как текст.

И Азбучная молитва Константина IX в. и Азбуконник XII в. — равно тексты алфавитные, но отношения между именами букв и семантикой, на которую намекают эти имена, в обоих текстах различны по диапазону. В то время как текст Константина разрешает семантические вариации только в пределах той же узкой семантической сферы, к которой относятся имя буквы, текст азбуконника допускает гораздо более широкие вариации, вплоть до антиподных, хотя и в пределах сакральной сферы. Эти отношения типологически отражены — и закреплены — в азбучных

поговорках русского народа (вспомним в этой связи, что до эпохи церковного раскола XVII в. грамотность среди крестьян была очень высока, а в среде старообрядцев даже самого простого общественного состояния). Крестьян, и в наши дни церковная грамотность — обычное явление). Сравним хотя бы такую поговорку [40]: *Како он — кон, буки ерык — бык, глаголь аз — глаз*. Семантическая и формальная структура ее довольно проста: от имен букв берется значительная часть внешней формы — *к...он, б...ук, гла...аз*, но семантические вариации под этой формой уже далеко отходят от первоначальной сферы, по существу они не ограничены.

Все приведенные «алфавитные тексты» можно рассматривать как типологически один этап. Тогда современный нам этап (ср. раздел 2 выше) будет типологически следующим: именами букв являются лишь некоторые слоги, фонетически ассоциирующиеся по первому элементу с фонетическим «значением» буквы, в то время как семантические ассоциации ничем не ограничены — *а, бэ, вэ, гэ...* и т. д. (названия букв) могут ассоциироваться с чем угодно (и мы в действительности находим азбуки, построенные на совершенно различных семантических ассоциациях, иногда резко идеологически выраженных, — как было, например, в «народных азбуконниках», издававшихся революционерами в конце прошлого века).

Но если намечается некоторая типология, то нельзя ли представить себе ее другой этап, предшествующий этапу Азбучной молитвы? Конечно, это возможно: такой этап должен быть представлен «алфавитным текстом», в котором в качестве слов, по крайней мере начальных слов каждой фразы или стиха, должны фигурировать имена букв в их данной фонетической форме и с их данным, прямым смыслом (например, *глаголю* — «говорю», *добро* — «добро, хорошо» или «имущество, достояние» и т. д.). Как уже было показано выше, именно этот, архаический этап мы находим отраженным в первых строках готского алфавита и в первых трех «тактах» алфавитов славянских («Азь буки вѣди»).

8

Но существуют — в германской традиции — тексты, в которых упомянутый архаический этап «алфавитных текстов» представлен весьма полно. Мы имеем в виду использование рун в англосаксонских поэтических текстах. Прием основан на следующем. Каждый рунический знак имеет имя. Для англосаксонского периода это имя более или менее ясно ассоциируется с каким-либо словом живого языка (как это имеет место для готского, см. выше), и руна может стоять в тексте вместо этого слова. Но, кроме того, подобно тому, как используются знаки в современных радио-алфавитах, знак руны может использоваться как аббревиатура вместо своего имени, т. е. тем самым вместо соответствующего слова живого языка, — это как бы нероглиф. И, наконец, руна может читаться как буква латинского алфавита, — в таком случае от ее имени берется лишь начальная фонема. Используются все три способа в том или ином сочетании (при этом, естественно, различается восприятие поэмы на слух или на глаз). Примером может служить следующий отрывок из поэмы Кюневульфа «Христор» (стихи 797—808), в который с помощью рун вплетено имя автора CYNWULF. При этом руны как слова читаются как компоненты текста, например, руна \ddot{y} читается как англосаксонское слово NYD «нужда, беда», а руны как буквы, по их начальным фонемам, читаются как бы «над текстом» и складываются в имя автора (цитирую

Þonne 'h' cwacæð, gehyred cuning mæðlan,
 roðara ryhtend, sprecan reþe word
 þam þe him ær in worulde wace hyðron,
 þendan 'h' ond þ' yþast meohtan
 frofre findan. Þær sceal forht monig
 on þam wongstede werig bidan
 hwæt him æfter dædum deman wille
 wraþra wita. Biþ se 'þ' sceæcen
 soorþan frætwæ. 'h' wæs longe
 'þ' flodum bilocen, lifwyrna dæl,
 'þ' on foldan. Þonne frætwæ seulon
 byrnan on bæle...

Рис 3

«Тогда (добрый человек) дрожит, слышит, как царь и владыка неба судит и говорит суровые слова тем, кто плохо подчинялся ему в мире, когда (бедность) и (нужда) легче всего могли найти приют. Многие люди будут в страхе, будут уныло ждать на этой равнине, какие муки будут им присуждены за их дела. (Радость) земных сокровищ исчезла, (наша) надолго была (моря) волнами сокрыта доля житейских радостей, (богатство) мирское».

Поскольку смыслы рун, связанные с языческим миром, а в некоторых случаях и их фонетический облик плохо ассоциировались с англосаксонским христианским миром, поэт устанавливает собственные ассоциации для отдельных рунических знаков. Так, первую в данном отрывке руну, согласно «Рунической поэме» означавшую *seþ* «факел, светоч», он толкует как *seþe* «добрый человек», «a brave man (?»); пятую руну, означавшую некогда «бизон, бык», он толкует как современное ему слово *þre* «наш» (вместо *þr* «бизон») и т. д. [41, 42].

Интересно, что в славянских алфавитах имя третьей буквы подобным же образом претерпело, возможно, изменение ассоциаций — от древнего *větili* «вещать» к более актуальному *věděti* «знать» (см. выше).

Представим себе теперь, что некоторые руны в англосаксонском ареале, в силу отдаленности по месту и времени их создания от эпохи Кюневульфа, совсем утратили связь с живым языком поэта. (В действительности это произошло, например, с руной \mathfrak{M} , именовавшейся в англосаксонский период как *os*, согласно «Рунической поэме», но не имевшей никаких четких ассоциаций. По происхождению, как мы знаем, она связана с именем бога Одина и, далее, с именем первой буквы готского алфавита.) В таком случае знак руны становится свободным для установления новых ассоциаций, что может широко использоваться в поэзии. Напротив, если произношение утрачено, а смысл закрепился, как это имело место для той же руны у континентальных германцев, то знак руны становится идео-

граммой, вполне подобной идеограммам хеттской письменности, которые допускали прочтение на разных языках этого ареала — хеттском, шумерском и аккадском. Таким образом, хеттская письменность в этом отношении представляет этап, типологически предшествующий «этапу Кюневульфа». В славянских алфавитах, а именно в глаголице, мы находим частичное отражение разных типологически этапов отношения между буквой и текстом.

Вернемся теперь к некоторым соображениям Н. С. Трубецкого. Занимаясь реконструкцией порядка алфавита и его состава, Н. С. Трубецкой пользовался показаниями древних «абecedариев» (особенно так называемого болгарского и мюнхенского, а также парижского) и двух азбучных молитв (которые мы привели выше). Однако основным параметром, по которому он выравнивал алфавит, были числовые значения букв глаголицы. В результате появилась реконструкция, приведенная выше (см. табл.). В ней буквы глаголического алфавита расположены в порядке их числовых значений и разбиты на четыре группы — единицы, десятки, сотни, тысячи, а общее число знаков необходимым образом оказалось равным $36 (9 \times 4)$.

Поэтому когда речь идет об алфавитных стихотворениях, то, как это ни кажется странным, естественно было бы сказать, что их стихи соответствуют «местам в алфавите» (каждому месту — один стих) и «числам» (на каждое алфавитное число таким же образом — один стих). Что касается имен букв, на которые, казалось бы, и должны писаться акrostихи, то, как мы видели выше, этот принцип действует не жестко, и во многих случаях (для многих букв) стих соответствует звуковому значению первой буквы в имени (например, 18 — *просиящему* у Константина в *простери* в Азбуковнике) и общей семантике имени (опять-таки с широкими вариациями). Между тем Н. С. Трубецкой говорит, что «Древнецерковнославянские алфавитные стихотворения представляют собой акrostихи не на звуковые значения (Lautwerte), а на имена глаголических букв» [24, с. 19]. В сущности в таком виде, без оговорок и уточнений, это утверждение Н. С. Трубецкого кажется непонятным. Более того, оно противоречит некоторым существенным деталям.

Так, два глаголических знака для /x/ (см. № 24 и № 33) соответствуют — в период создания Азбучной молитвы Константина, — возможно, до некоторой степени различным звукам. Знак, занимающий место № 24 с числовым значением 600, соответствует греческому «хи» (χ) и произошло, возможно, как аспирата, встречаясь, естественно, только в заимствованных словах. Напротив, знак, занимающий место № 33, произошло, как чистый спирант, это чисто славянский звук [24, с. 29]. Но как му на них соответствует и м я хърь? Этот вопрос остается открытым.

В дальнейшей традиции оба знака, естественно, начинают обозначать один и тот же звук — славянское спирантное /x/, их распределение в текстах становится случайным, а знак № 24 довольно быстро вообще исчезает.

Возьмем знаки № 12 и № 26. Между ними есть некая внутренняя связь, основанная на их фонетическом значении. Каково было это значение, является, как известно, предметом давней дискуссии, на чем мы здесь останавливаться не будем. Но каково и м я того и другого знака? В строгом смысле, это буквы без имени. И поэтому сказать, что акrostихи основаны на именах букв, в данном случае невозможно. Н. С. Трубецкой, исходя

опять-таки из числовых значений, ищет очень далекие именные ассоциации, предполагая, например, что № 12 «в первоначальной глаголице должен был иметь произвольное (т е, в том смысле, в каком Н С Трубецкой употребляет этот термин, — фонетически немотивированное — С Ю) имя, которое начиналось с /д/ поэтому соответствующий стих в Молитве Константина начинается со слова *летитъ*. При этом молг» сыграть роль и воспоминание о еврейском алфавите, где числовое значение 30 связывалось с буквой, обозначающей звук /д/» [24, с 19] ср еще раз [12, с 299] и здесь раздел 3

В действительности, однако, под № 12 и № 26 в Молитве Константина и под № 26 в Азбуковнике XII в мы находим фонетически незначимые, «пустые» стихи (Стих № 12 в Азбуковнике, начинающийся со слова обозначающего «геенну огненную», требовал бы особого обсуждения в которое углубляться мы сейчас за неимением места не можем) Взглянем еще раз на «алфавитные стихотворения» как на целые тексты все вполне понятно и даже прозрачно — «безымянным буквам» соответствуют «пустые стихи»!

Но алфавитные стихотворения, в особенности Молитва Константина, это замечательные поэтические произведения И обратим внимание на то, как обыгрывает автор 12-й стих, оказывающийся к тому же центральным, так как по соотношению с числом значимых стихов — 36 — этот стих располагается близко к линии «золотого сечения» (12/36) Он заполняет его выражением центральной мысли, выражением пафоса всего стихотворения «И летит ныне словенское племя к крещению»

К М Куев по справедливости делает этот стих эпиграфом ко всей своей книге [38] И, заметим, в его реконструкции этот стих не начинается больше со слова с буквой «д», которой придавал здесь такое значение Н С Трубецкой⁴

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Schulze W Die lateinischen Buchstabennamen // Schulze W kleine Schriften 2 Aufl / Hrsg von Wissmann W Göttingen 1966*
2. *Schwyzler E Griechische Interjektionen und griechische Buchstabennamen auf — α KZ 1931 Bd 58 Hf 3/4*
3. *Bailly A Grammaire generale et raisonnee de Port Royal Avec une introd hist Slatkine Reprints Geneve 1968*
4. *Левицкий Г В История идеи универсальной характеристики // Пешниц Г В Соч В 4 х томах Т 3 М, 1984 С 412—413*
5. *Королев А А Древнейшие памятники ирландского языка М 1984*
6. *Исаченко А В К вопросу об ирландской миссии у паннонских и моравских славян // Isachenko A Opera selecta Munchen 1976 S 263—292*
7. *Широков О С Введение в балканскую филологию М, 1990 С 100*
8. *Dornseiff F Das Alphabet in Mystik und Magie 2 Aufl Leipzig Berlin 1925 S 27 28*
9. *A patristic Greek lexicon / Ed by Lampe G W H Oxford, 1987*
10. *Костюк Л С Азбуковники XVI—XVII вв Старшая разновидность J, 1989*
11. *Kiparsky V Tschernochvostoffs Theorie über den Ursprung des glagolitischen Alphabets // Cyrillo Methodiana Zur Frühgeschichte des Christentums bei den Slaven 863—1963 (= Slavistische Forschungen, 6) Köln, Graz S 393—400*
12. *Гамкрелидзе Т В Алфавитное письмо и древнегрузинская письменность Типология и происхождение алфавитных систем письма Тбилиси 1989*
13. *Vojs J Rukovet hláholске paleografie (— Rukoveti slovanskeho ustavu v Praze Sv II) Praha 1932*
14. *Толстой Н И Возникновение письма у славян // Энциклопедич словарь юного филолога (языкознание) / Сост Павлов М В М, 1984 С 53—55*
15. *Krause W Handbuch des Gotischen 3, neubearb Aufl Munchen, 1968*

⁴ Благодарю Н И Толстого, Т В Гамкрелидзе в С Г Проскурнина высказавших ценные замечания, учтенные мною в тексте

- 16 *Lehmann W P* A Gothic etymological dictionary Leiden, 1986
- 17 *Mastrelli C A* Grammatica gotica Milano, 1967
- 18 *Marstrand C J S* Om runene og runenavnenes oprindelse // NTS 1928 4
- 19 *Watkins C* Questions linguistiques de poetique, de mythologie et de predroit en indo europeen // *Lalies Actes des sessions de linguistique et de litterature V* (1983) P 1987
- 20 *Гамкрелидзе Т В, Иванов Вяч Вс* Индоевропейский язык и индоевропейцы Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры Ч 1-2 Тбилиси, 1984
- 21 *Дюмезиль Ж* Верховные боги индоевропейцев М, 1968 С 59
- 22 *Bibliothek der angelsächsischen Poesie* Neue bearb und verm Aufl / Hrsg von *Wulcker R P* Bd 1 (2 Hlfte) Goettingen, 1881
- 23 *Кучев К М* Черноризца Храбър София, 1967
- 24 *Trubetzkoy N S* Altkirchenslavische Grammatik Schrift, Laut und Formensystem Hrsg von *Jagoditsch R* 2 Aufl Graz Wien Köln 1968
- 25 *Янин В Л, Зализняк А А* Новгородские грамоты на бересте Из раскопок 1977-1983 годов М, 1986 С 305
- 26 *Этимологический словарь славянских языков / Отв ред Трубачев О Н* Вып 3 М, 1976 С 91-92
- 27 *Виннер Б Р* Введение в историческое изучение искусства М, 1985 С 15
- 28 *Даль Вл* Толковый словарь живого великорусского языка Т I А-З М, 1955 С 27
- 29 *Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный Ч I А-Д* СПб, 1801 Стлб 65
- 30 *Meillet A* La religion indo europeenne // *Meillet A* Linguistique historique et linguistique generale P, 1948 P 334
- 31 *Потебня А А* О Доле и сходных с нею существах // Древности Труды Моск археол об ва Т I Вып 2 М, 1965
- 32 *Arnkiel M T* Symbrysche Neuden Religion Bd 1 Hamburg, 1691
- 33 *Ягич И В* Вопрос о рунах у славян // Энциклопедия слав филологии / Под ред акад Ягича И В Вып 3 Графика у славян СПб, 1911
- 34 *Москов М* Прабългарски рунчески знак [Y] за теонима Тангра // *Palaeobulgarica* Старо-българистика XI (1987) 1
- 35 *Петрушкин В Я, Хелимский Е А* Финно угорская мифология // Мифы народов мира Энциклопедия 2 е изд Т 2 К-Я М, 1988 С 565
- 36 *Проскурян С Г* Древнеанглийская пространственная лексика концептуализированных областей Автореф канд филол наук М, 1990
- 37 *Калисторнии С Г* Древних (орхонских) тюрков мифология // Мифы народов мира Энциклопедия 2 е изд Т 2 К-Я М, 1988 С 537
- 38 *Кучев К М* Азбучната молитва в славянските литератури София, 1974
- 39 *Соболевский А И* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии // Сб ОРЯС 1910 Т 88 № 3
- 40 *Пословицы русского народа* Сб В Даль В 2 к т Т I М, 1989 С 365
- 41 *Snyder T A* Old English verse L, 1972 P 156-157
- 42 *Смирницкая О А* Индоевропейское в германской поэзии // Эпос Северной Европы Пути эволюции М, 1989 С 17